

Фрагмент из книги Петра Черкасова

«ИМЭМО. Очерк истории». М.: Издательство «Весь Мир», 2016,

посвященный ГЕОРГИЮ ИВАНОВИЧУ БЕХТЕРУ (Джорджу Блейку).

16 сентября 1974 г. в сектор международно-политических проблем Европы ИМЭМО был зачислен на работу новый научный сотрудник. Его звали Георгий Иванович Бехтер. Под этим именем в Советском Союзе с конца 1966 г. проживал знаменитый советский разведчик Джордж Блейк.

Сын офицера британской армии и голландской подданной Джордж Бихар (фамилию Блейк он взял только в 1943 г.) родился в г. Роттердаме в 1922 г. Его отец, получивший тяжелые отравления газами во время Первой мировой войны, рано умер, и воспитанием мальчика занималась мать. В период немецкой оккупации Голландии Джордж принимал участие в движении Сопротивления в качестве связного, в 1942 г. был арестован оккупационными властями, но сумел освободиться. Через Францию и Испанию он бежал в Гибралтар, а оттуда перебрался в Англию, где поступил на службу в королевский военно-морской флот, получив звание лейтенанта. В конце войны его переводят в разведку. Блейк работает в Голландии и в Германии, а в 1948 г. его направляют в Южную Корею под видом британского вице-консула. В действительности он возглавляет там резидентуру СИС.

Вскоре после начала Корейской войны Блейк попал в руки северных корейцев, временно оккупировавших Сеул, и, несмотря на его дипломатический статус, был помещен в лагерь военнопленных. В лагере Блейк впервые знакомится с марксистской литературой и увлекается марксизмом. В 1951 г. он добровольно предлагает свои услуги советской разведке.

По возвращении в 1953 г. в Англию Блейк возобновляет свою работу в МИ-6 и начинает передавать в Москву ценную информацию. Так, он заблаговременно раскрыл планы СИС и ЦРУ в Западном Берлине, где в 1954 г. был прорыт полукилометровый тоннель к подземному кабелю, соединявшему Восточный Берлин и Москву. Подключение англо-американских спецслужб к этому секретному каналу телефонной связи оказалось бессмысленным, так как советские связисты имели достаточно времени, чтобы наладить связь в обход кабеля, прослушивавшегося СИС и ЦРУ. В 1956 г. шпионский лаз был официально «обнаружен» советскими военными связистами, после чего разразился международный скандал. Американская и британская разведки еще в течение пяти лет, до самого ареста Блейка, не знали, что их хитроумная задумка с тоннелем стала известна КГБ еще на стадии ее разработки. В действительности в течение всего периода прослушивания СИС и ЦРУ получали дезинформацию.

Блейк был арестован в апреле 1961 г., когда работал в Бейруте. Его разоблачению способствовал побег на Запад одного из руководящих работников польской военной разведки, тесно сотрудничавшего с ГРУ и кое-что знавшего об истории с берлинским тоннелем. Блейк был приговорен к 42 годам заключения в лондонской тюрьме Уормвуд-Скрабс, откуда в 1966 г. сумел бежать и перебраться в СССР. Его заслуги перед Советским Союзом были отмечены орденами Ленина, боевого Красного Знамени и другими государственными наградами. Впоследствии он получит звание полковника СВР – Службы внешней разведки России.

На исходе 1966 г. началась новая, теперь уже московская, жизнь Джорджа Блейка, превратившегося в Георгия Ивановича Бехтера. Специальным указом Президиума Верховного Совета СССР ему было дано советское гражданство.

Из опубликованных воспоминаний Дж. Блейка:

«Я часто думал, легче или тяжелее мне привыкать к жизни в Советском Союзе, попав сюда прямо из тюрьмы. С одной стороны, после долгого заключения всегда трудно адаптироваться к свободе и нормальному существованию. Сделать же это в совершенно по-иному устроенном обществе может оказаться еще труднее. С другой стороны, если бы я приехал в Советский Союз прямо из Бейрута, как вполне могло случиться, контраст был бы еще более разительным, что создало бы для меня лишние сложности. Уормвуд-Скрабс по-своему оказалась для меня чем-то вроде шлюза, облегчившего переход и смягчившего неожиданности. После тюрьмы было просто замечательно вставать по утрам и планировать день по своему усмотрению, идти, куда захочешь... Благодаря этому низкий уровень жизни и прочие недостатки советского общества становились не столь уж неприемлемыми».

Надо сказать, Блейк с самого начала сделал единственно правильный в его новом положении выбор – постараться полностью интегрироваться в советской действительности, несмотря на все ее неприглядные, особенно для иностранца, стороны. В отличие от подавляющего большинства своих коллег из числа иностранцев, работавших на советскую разведку, так и не сумевших найти себя в СССР, ему это удалось в полной мере. Огромный запас жизнелюбия и оптимизма, широкие взгляды на жизнь, чуждые какого-либо доктринерства, максимализма и нетерпимости, наконец, добрый нрав и расположение к людям – все это позволило Георгию Ивановичу не только выжить в суровом советском «климате», но и стать полноценным гражданином своей новой родины. В значительной степени, по признанию самого Блейка, этому способствовал его приход в ИМЭМО, где он обрел новую профессию – исследователя современных международных отношений.

Вспоминает Джордж Блейк:

«Через год или два, я точно не помню, после моего приезда в Москву возник вопрос о том, чем я буду здесь заниматься. Сначала мне предложили работать в качестве переводчика в издательстве “Прогресс”. Так оно и вышло. Я почти два года работал там, переводил произведения Ленина на голландский язык. Это была своеобразная работа, потому что в основном я сидел дома и раз в неделю отвозил перевод в издательство, проводил там несколько часов, а потом возвращался домой. И очень скоро я понял, что таким способом мне будет трудно войти в советскую жизнь. Тем не менее, я продолжал так жить и работать».

В это же время я близко познакомился с Кимом Филби, а через него и с Дональдом Маклэйном, который работал в ИМЭМО. Мы быстро подружились, и между нами установились очень близкие, доверительные отношения. Он наблюдал мою жизнь и в скором времени сказал: “Так жить не годится. Я думаю, для тебя будет гораздо лучше, если ты придешь работать в наш Институт”. Сразу же возник вопрос, как это сделать. Маклэйн сказал, что поговорит обо мне с Иноземцевым и его заместителем Примаковым. “А ты, со своей стороны, поговори с Первым управлением, с людьми, которые тебя курируют, попроси их помочь тебе с переходом”.

Так и было сделано. Вскоре меня пригласили в Институт, где я познакомился с Иноземцевым. В другой раз вместе с Дональдом мы отправились к Евгению Максимовичу Примакову, который принял меня очень любезно. У нас состоялся обстоятельный

разговор о том, чем бы я мог заниматься в Институте. В конце концов, мы решили, что это будет Ближний Восток, где годом ранее произошла очередная арабо-израильская война. По завершении беседы Примаков сказал, что Дирекция согласна принять меня в Институт, предложив работать в том самом Отделе, где уже работал Дональд».

19 сентября 1974 г. исполнявший тогда обязанности директора ИМЭМО Е.М. Примаков подписал приказ, гласивший:

«БЕХТЕРА Георгия Ивановича зачислить с 16 сентября 1974 г. в Отдел международных отношений на должность и.о. научного сотрудника с окладом 190 рублей в месяц с последующей аттестацией».

В секторе Д.Е. Меламида на Блейка была возложена задача – изучать политику Европейского сообщества и его отдельных государств-членов на Ближнем Востоке, исследовать их подходы к мирному урегулированию ближневосточного конфликта, в рамках которого он специально исследовал палестинскую проблему.

В изучении ближневосточных проблем Блейк существенно обогатил исследовательский арсенал. Советские исследователи всегда смотрели на эти вопросы исключительно через призму противостояния «прогрессивного», казавшегося им однородным арабского национально-освободительного движения, «империалистическим силам реакции» и их союзнику – сионизму. Блейк впервые поставил вопрос о центробежных тенденциях в неоднородном арабском мире, о глубоких, порой неразрешимых противоречиях между арабскими государствами, не позволяющих им единым фронтом выступать против «заклятого врага» – Израиля. Задолго до ирано-иракской войны он обращал внимание на необходимость учета конфессиональных различий в суннито-шиитском арабо-исламском мире, приобретающих все более важное значение. В отличие от многих своих советских коллег-международников Блейк не идентифицировал политику США и Израиля на Ближнем Востоке, указывая на имеющиеся несовпадения их интересов.

С первого дня советского военного вмешательства в Афганистане он не одобрял эту безумную акцию, хорошо представляя себе все ее пагубные последствия. Разумеется, в открытой печати он не мог в те годы свободно излагать свою точку зрения, но в закрытых материалах, адресованных в инстанции, Блейк, как и некоторые другие, наиболее смелые политологи ИМЭМО, в той или иной форме высказывал свои соображения по этому поводу.

В скором времени Блейк стал одним из ведущих экспертов ИМЭМО по ближневосточным делам. Проблема была лишь с публикацией его статей и других материалов. Редакторы застойных лет часто вставали в тупик от его непривычно свободной манеры изложения своих мыслей, часто не совпадавших с установками советской пропаганды. Русским языком Блейк овладел, но вот «птичий язык» советской печати оказался ему не по силам.

Вот что говорит о своей тогдашней работе сам Блейк:

«Я писал записки об эволюции ближневосточной проблемы, в частности по вопросу о палестино-израильских отношениях, об ирано-иракской войне. Иногда я принимал участие в заседаниях круглого стола по этим и другим вопросам. Но я не могу сказать, что моя научная работа была совсем уж успешной. Может быть, из-за того, что я всегда излагал свою личную точку зрения, не согласовывая ее с официальной позицией советского руководства. Обычно я отдавал свои записки моему начальнику (Д.Е. Меламиду), и их последующая судьба была мне неизвестна. Я видел и писал о том, что США в отличие от СССР играет роль посредника между арабами и израильтянами, сохраняя хорошие отношения с обеими враждующими сторонами, хотя было ясно, что они больше

поддерживали Израиль. И все-таки у них были довольно тесные связи и с арабским миром. В моих записках я доказывал, что если Советский Союз хочет играть более существенную роль в разрешении ближневосточного конфликта, то он должен иметь нормальные отношения не только с одной стороной конфликта, т.е. с арабскими странами, но и с другой, т.е. – с Израилем. Я был убежден, что СССР никогда не сможет играть роль посредника на Ближнем Востоке, если будет поддерживать отношения только с одной стороной. Поэтому я выступал за восстановление и нормализацию отношений между Советским Союзом и Израилем.

Я настойчиво проталкивал эту идею. Очень хорошо помню мой разговор с Меламидом, который, как известно, был евреем, и уже по этой причине не мог столь откровенно предлагать начальству нормализовать отношения с Израилем. Будучи полностью со мной согласным, он считал, что будет лучше, если с подобной инициативой выступлю я, а не он. И я сделал это, так как исходил из глубокого личного убеждения в моей правоте. И я был очень рад, когда СССР восстановил дипломатические отношения с Израилем и получил дополнительные возможности влиять на развитие ближневосточного конфликта».

В 1988 г. Блейк перешел на работу в отдел проблем разоружения, которым руководил доктор исторических наук А.Г. Арбатов. Здесь он начал заниматься новой проблематикой, одновременно помогая в научном редактировании проводимых в отделе исследований, переведившихся на английский язык.

Мягкий, доброжелательный характер Георгия Ивановича снискал ему искреннее расположение новых коллег, научных сотрудников ИМЭМО. Многие годы его избирали в профсоюзное бюро, где он занимался важным в эпоху дефицита и весьма хлопотным делом – распределением продовольственных «заказов». В свой день рождения (11 ноября) он всегда возвращался домой с букетами цветов, подаренных друзьями и коллегами. Его юбилеи (60, 70 и 80 и 90 лет) всегда тепло отмечались в научном коллективе Института.

Из приказа директора ИМЭМО академика Н.А. Симонии от 11 ноября 2002 г. в связи с 80-летием Г.И. Бехтера (Блейка):

<...> «За время работы в ИМЭМО он внес серьезный оригинальный вклад в научную деятельность Института, являясь крупным специалистом-международником. Георгий Иванович принял активное участие в подготовке и написании многочисленных научных трудов, аналитических записок, в выполнении программ Президиума Академии наук.

С 1988 г. и по настоящее время Г.И. Бехтер плодотворно трудится в Центре международной безопасности и является высококвалифицированным специалистом по проблемам региональной безопасности. Он автор ряда глав в Ежегоднике ИМЭМО «Разоружение и безопасность» и редактор этого издания на английском языке. Им проведен большой объем работ в связи с другими публикациями Центра на английском языке. Г.И. Бехтер является активным участником русского издания Ежегодника СИПРИ «Вооружения, разоружение и международная безопасность».

Обширные знания и работоспособность, интеллигентность, доброта и отзывчивость сделали Георгия Ивановича одним из наиболее уважаемых и любимых сотрудников нашего коллектива». <...>.

В день 80-летия Блейка самодеятельный институтский поэт (В. Владимиров) посвятил ему небольшую поэму, в которой есть такие строки:

*Весь Институт в едином междометии
Слился сегодня – все кричат: «Ура!».
У Джорджа Блейка – 80-летие,
И нам его приветствовать пора.
Вся жизнь его – созвездие мистерий,
И главной тайны не развеян дым:
Как, пережив крушение двух империй,
Он остается вечно молодым?*

«Должен честно сказать, что приход в Институт был счастливейшим этапом в моей жизни, – говорит Блейк. – Если моя жизнь здесь удалась, то во многом из-за того, что я попал на работу в Институт. Я встретил там очень интересных людей, которые очень хорошо меня приняли, очень хорошо ко мне относились. Я нашел там много друзей и добрых знакомых. Моя жизнь в Институте была интересной. Я общался с людьми, знавшими иностранные языки, бывшими хорошими экспертами по разным странам, особенно европейским. С ними у меня было много общего. Нас связали общие профессиональные интересы. Я не был членом коммунистической партии и особенно к этому не стремился, но я много работал в профсоюзе и это, надо сказать, дало мне интересные контакты, поскольку я еженедельно или раз в две недели занимался получением и распределением в отделе продовольственного пайка (заказов, как это тогда называлось). Кроме этого я занимался продажей марок и лотерейных билетов для благотворительных целей. В качестве члена профсоюзного бюро я помогал организовывать всевозможные праздники и юбилеи, а их тогда отмечали довольно часто. Я благодарен нашему коллективу за то, что чувствовал себя полноправным его членом, таким же, как и все – сотрудником этого Института».